

Помнишь тот инцидент на зимних праздниках? Мы с Пэрришем постарались забыть об этом как можно скорее. Однако же, теперь он дублировал все записи, как я тебе и говорил, и стал нервным. Я иногда замечал, как у него дрожали руки. Он стал подозрительным, но старался улыбаться так беззаботно, как раньше. Но я всегда замечал, когда в его глазах были ранее редкие нотки печали.

Однажды мы продумывали сюжет одного из его рассказов вместо того, чтобы делать химию, и дошли до момента, где главный герой должен был наконец встретиться со своим отцом.

— Итак, Барнаби стучит в дверь, и... — он опустил взгляд и закусил губу, а затем снял с носа очки и потёр переносицу пальцами.

Малкольма почти ничего не могло вывести из себя, кроме тех ситуаций, когда от него требовали подчинения. Он ненавидел уступать, но в конфликты никогда не ввязывался. «Зачем мне спорить с человеком, если я окажусь правым?» — говорил всегда он, пожимая плечами.

— Ты боишься? Боишься отца? Пэрриш, я могу стать для тебя психологом на пару часов.

— Я не боюсь его. Просто... я устал, понимаешь? — он наклонился вперёд, — Мне 16 лет. И все эти годы я живу так, как он говорит, как он хочет. Знаешь, какой будет моя жизнь: сейчас я закончу академию, пойду в университет, выучусь на юриста и буду работать в суде, отправлять людей в тюрьмы, даже если они не виновны. Ты знаешь, что такое судебная ошибка? А теперь представь: я отправляю в тюрьму на 20 лет человека, а он ничего не делал. Меня обвинят, я лишусь работы и спокойного существования! Да я буду винить себя всю свою чёртову жизнь! — Пэрриш уже перешёл на крик.

— Я понимаю тебя. Нам хочется независимости и свободы, мы же подростки, — я придвинулся к нему поближе, чтобы успокоить, — У тебя нервный срыв...

— Он говорит, что по окончании учёбы я буду волен делать то, что захочу. Вот только это ложь! Он запрещает мне писать сейчас, запретит и потом, — Пэрриш ходил по комнате кругами.

— А когда ты станешь совершеннолетним? Тогда по закону ты будешь свободен как птица, — я не мог понять, почему я несу какой-то бред вместо того, чтобы помочь своему другу так, как я умею.

— И что?! Мне от него никуда не деться. «Сын, ты должен стать серьёзней!», «Сын, что это за ребячество?», — Малкольм сел на кровать и закрыл лицо руками, — Как я устал, Господи, как я устал...

Меня грызла совесть: я ничем не мог ему помочь. У меня таких ситуаций не возникало, я понятия не имел, что мне делать. Всё, что я мог — это обнять друга, что я и сделал. Я присел на корточки рядом с кроватью, на которой сидел Пэрриш, и протянул к нему свои руки и обнял. Он выдохнул, наверное, весь воздух, который был в его лёгких, и размяк в моих объятьях.

— Давай отложим этот рассказ, Пэрриш. Ты сейчас совсем не в состоянии делать что-то. Отдохни. Я сделаю химию за тебя.

Он посмотрел на меня: каким же опечаленным он был. Я похлопал его по плечу, и Пэрриш послушно прилёг на кровать. Я приступил к химии и постоянно оборачивался на Пэрриша. Закончил делать химию я довольно поздно и упал на кровать обессиленный и опустошённый. Малкольм довольно быстро заснул, а я уснуть так и не смог: слишком волновался за друга. Я

прилёг буквально на пару минут, а проснулся, когда было уже светло: меня разбудил Пэрриш. Он был в хорошем расположении духа, будто бы вчера ничего не произошло.

— Просыпайся, Говард. Спасибо огромное за химию, буду должен.

— Ты напугал меня вчера. Я не мог уснуть, — я размял шею.

— Да что со мной случилось бы во сне? — Пэрриш улыбался, — Скажешь тоже.

Весь день Пэрриш поддерживал меня (в прямом смысле слова), я был разбитым из-за недостатка сна, а Малкольм где-то достал для меня термос с крепким зелёным чаем. Как оказалось, он отжал его у Курта Маккинли, девятиклассника, заверив, что и термос он вернёт, и с историей поможет. Но, как ты уже догадался, Пэрриш не сдержал ни первого, ни второго обещания. Никогда не любил зелёный чай, но энергией заряжает он отменно.

Бедняга Маккинли в конце дня притоптал в нашу комнату, чтобы заставить Малкольма вернуть ему термос.

— Неужели ты не видишь, что Адам разбит?! Да он буквально засыпает на ходу, посмотри! — Пэрриш, державший меня за руку, легонечко толкнул меня в сторону, а я дёрнулся, так как проснулся.

— А? Что?

— Посмотри на него, Маккинли! Тебе не жалко? Неужели твой термос не может подождать пару дней? — актёр из Пэрриша был не очень, но наивный Курт покраснел.

— Извини, я... Я не знал. Пусть остаётся, я потом заберу! — он махнул рукой и поспешил поскорей удалиться.

Малкольм снова взял меня за руку и подвёл к постели, мягко придерживая за бок. Он усадил меня на кровать, а сам приступил к домашнему заданию, надев свои огромные очки, за которыми, как я уже говорил, почти не было видно его широких густых бровей. Я сразу же провалился в объятия Морфея, а Пэрриш решил отплатить мне за прошлую ночь и сделал всё за меня.

Вообще следующий день должен был быть выходным, чему опустошённые я и Пэрриш были несказанно рады. Я встал часов в 11 вместо положенных в обычный день 6 и застал Пэрриша читающим какую-то книгу из библиотеки. Я невольно улыбнулся, ещё лёжа в кровати, из-за того, каким же смешным казался мне этот парень: поутру он был всегда растрёпанным, сонным и радостным, из-за стекла в очках его веснушки, которые тянулись от уха до уха, казались больше, если он читал - то шевелил губами, повторяя текст. Он заметил мой взгляд на себе и рассмеялся, бросив что-то про "Спящая красавица наконец-то проснулась", а в ответ получил моё "Ой, замолчи!" и смех.